

Дмитрий Ланев

IRON

и

Я

18+

**Ироничные
ТОСТЫ
рассказы
афоризмы**

Дмитрий Ланев

Iron и я

«Автор»

2020

Ланев Д.

Ирон и я / Д. Ланев — «Автор», 2020

Ирония - маскировка нежности. Если иронию не заметить или ею пренебречь, она вооружается и превращается в сарказм и сатиру. А если иронию понять, то из нее вырастает дружба и даже любовь! Читайте ироничные тосты, рассказы и афоризмы в этой книжке.

© Ланев Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

От автора	5
Притча о крысином льве	6
Обезьяна	7
«В молоко»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий Ланев

Iron и я

От автора

История, уважаемый читатель, повторяется не трижды, как говорят начитанные люди, а четырежды. Так говорят люди пишущие. Первый раз как трагедия, второй раз как комедия, третий раз как фарс, а четвертый ... как цыпленок табака на тарелке перед гурманом. Настоящий гурман над историей не плачет, не смеется, не насмехается. Настоящий гурман историей наслаждается и препарирует ее именно как цыпленка табака. Это дает ему возможность иронизировать не столько над ней, сколько над ее персонажами. Персонажами прошлого, настоящего и будущего.

Ироничные люди представляются нам добрыми. Так оно и есть. Доброта эта происходит из уверенности в том, что угрозы, слезы, мольбы и даже подношения (они же жертвы) сильным мира сего ничего принципиального в истории не меняют.

Задержаться на благословенных страницах истории, в золотом веке или хотя бы во времена «оттепели» позволяет только мужество смеяться над пороками тех, кто сам сползает, и других толкает во времена жуткие.

Но что еще требуется от человека иронизирующего – так это железный характер, поскольку прутья решеток, которые ломают его веселый нрав, тоже сделаны совсем не из хлебного мякиша. И, наверное, неслучайно в английском языке слова ирония и железо отличаются только одной буквой.

Поэтому сборник и называется **"IRON и Я"**

Притча о крысином льве

Известен старый морской прием борьбы с крысами на корабле: посадить в бочку стаю крыс и не кормить. Через какое-то время остается одна крыса, победившая и сожравшая остальных, которую называют Крысиным львом. Вот этого льва и выпускали на корабль с крысами, и крысы спасались бегством, поскольку чуяли – пришел кровожадный тиран, от которого галетами или солониной уже не отделаешься – ему крысятинку подавай.

Но вот как-то одному любознательному юнге стало интересно, что будет, если этого крысиного льва из бочки не выпускать, долго не кормить, а потом дать ему чего-нибудь вкусненького – той же солонины. Возьмет, или не возьмет?

– Нет, говорил один старый моряк, – ни за что не возьмет. Если привык к крысятине, на другую еду даже не посмотрит.

– Возьмет, – спорил другой, – еще и руку дающего укусит.

– Посмотрим, – сказал капитан юнге. – Давай, валяй, пробуй!

Сделали все, как положено. Через какое-то время в бочке остался один крысиный лев. Когда он понял, что съесть больше некого, он сначала сгрыз все шкурки и после них принялся за кости. Но это все еда не питательная. Исхудал лев. Попробовал выпрыгнуть, но бочка была высока. Попробовал прогрызть дыру, но сил уже не хватало. Лег среди костей, и дышал тяжело, предчувствуя скорую смерть.

Настал черед юнга сжалиться. Взял он кусок солонины, но рукой подать побоялся, просто бросил вниз, и сам с любопытством наклонился над бочкой.

Долго полз на брюхе крысиный лев к куску. Из последних сил раздвигал мордой черепа и ребра сожранных соплеменников. А когда дополз, поднял морду и ... встретился глазами с юнгой. И... Нет не испустил дух. Столько было тоски и слабости в его взоре, так печально он пискнул, раскрыв старческую пасть, чтобы ухватить кусок за край, что юнга сжалился. Достал льва, посадил перед собой на бухту каната, стал кормить с ладони. Так у них на удивлении всей команды возникло нечто вроде дружбы. Жил крысиный лев в ящике с решетчатым верхом на палубе. Временами юнга цеплял на него поводок, и они гуляли вдвоем по кораблю. Кормил объедками с матросского стола. «Лев» был тихим и ласковым, чем-то походил на маленькую таксу. Он даже научился прыгать через веревочку и, если бы не разжирел, научился бы ходить на задних лапках.

Старый матрос, видя эту картину, плевался:

– Нет, это не лев. Лев должен вести себя, как царь. Не зря настоящего льва зовут царем зверей. А у этого характера нет. Слабых сожрать – для этого только сноровка, сила да острые зубы нужны. А чтобы умереть с честью, и не жить в клетке и на поводке – для этого гордость нужно иметь.

Впрочем, другие крысы почему-то на корабле не заводились – до того самого дня, когда крысиный лев просто не сдох от старости. Его выбросили за борт, но какая-то крупная чайка поймала тушку на лету и унесла терзать на ближайšie скалы.

Жалкая участь, – сказал капитан. – Как у всякого тирана, пережившего свой народ. Особенно, если сам его и сожрал.

И юнга, собравшийся было шмыгнуть носом в память о своем ручном крысином царьке, передумал это делать и с легким сердцем помчался на призыв боцманской дудки.

Обезьяна

Это случилось в субботу. На углу Наплюйского переулка и Нерешительного проспекта стояла косо припаркованная «копейка». За древностью лет она была покрыта ржавчиной и несколькими слоями краски, вылезавшими друг из-под друга. Но владелец в необъяснимом, чисто русском эстетическом порыве все же вставил в ржавую дыру на капоте пестрый флаг какой-то незнакомой страны.

На заднем сиденье рядом с большой черной сумкой сидела угрюмая обезьяна. Время от времени она вытягивала губы дудочкой и принималась теревить замочки молнии на сумке.

Никто не обращал на нее внимание. Народ быстро продвигался мимо, шлепая по падающему и таявшему снегу подошвами не то, что с упорством, а даже с наслаждением. Народ ведь – большой ребенок.

На обезьяну обращали мало внимания: не за рулем же, никого пока не давит.

Но вот обезьяна совсем, наверное, замерзла и заскучала. Сначала она прилипла мордой к стеклу и начала корчить рожи прохожим. Не встретив должного отклика, она развернулась к сумке и принялась играть с молнией и замочком. И доигралась до того, что сумка раскрылась. А там..!

В сумке были деньги. И не просто деньги, а пачки зеленых купюр с цифрами и портретами, обернутые банковскими ленточками.

Для обезьяны это были просто игрушки. Она вытаскивала их по одной, вертела перед глазами, нюхала, пробовала на зуб, отбрасывала и доставала следующую пачку. Потом она научилась срывать банковские ленточки и разбрасывать банкноты по салону.

Люди шли мимо автомобиля, проплывали, как мусор мимо причала. Но это продолжалось недолго. Кто-то поднял глаза от хлюпающего тротуара и замер, вытаращив их на обезьяню морду за стеклом, разрывающую зубами сотку баксов.

Движение людей остановилось.

Послышались голоса:

- Водитель есть?
- Кто хозяин?
- Зачем тебе хозяин? Без него разберемся.
- Долбаните чем-нибудь по стеклу.
- Да сбежит обезьяна.
- А это обезьяна?
- Да, похожа на шимпанзе – глаза умные.
- Тогда сама не отдаст.
- Свободу обезьянам.

Из задних рядов полезли руки с телефонами. Кто-то уже выкладывал фото в Сеть и строил в твиттер. Толпа заняла часть проезжей части, из-за чего стали останавливаться другие автомобили.

Возгласы продолжались и смешивались в гул:

- А это не скрытая камера?
- Да нет, давно уже стоим.
- А чего ждем?
- Говорят, шимпанзе деньги раздает.
- А здесь очередь или кто-то записывает?
- Правильно, давайте организуемся.
- Так долбанет кто-нибудь по стеклу?
- Вот ты и долбай. Полицию надо вызвать.

– Ну, так после них нам ничего не останется.

– Стемнеет скоро, мы что, до ночи ждать будем?

Первыми приехали журналисты, прочитавшие в Интернете горячую новость, что на центральной улице города обезьяна раздает деньги прохожим. Журналистов интересовало, есть ли у обезьяны образование, какую организацию она представляет, не является ли она агентом какой-нибудь страны.

Обезьяна слюнявила доллары и искала какую-нибудь щелку, чтобы протолкнуть бумажку наружу.

Некоторые граждане под видом журналистов пытались пробиться поближе.

Какой-то парень в кожаной куртке с вышитой на спине головой быка забрался на фонарный столб, но не удержался, соскользнул и упал под ноги расступившихся сограждан. Именно его фотография всколыхнула Интернет, поскольку лежащий на мостовой под ногами прохожих человек у нас давно и твердо ассоциируется с насилием власти над гражданами. Хотя, справедливости ради заметим, что в этот раз представители власти к моменту падения молодого человека со столба еще не подошли. Впрочем, это не помешало в дальнейшем некоторым ушлым авторам озаглавливать свои репортажи «быки против ОМОНа» или «русская коррида».

Наконец от метро подошел рядовой полицейский чин. Он долго всматривался в темный салон автомобиля, потом достал рацию, подул в нее, спрятал снова в карман и достал мобильный телефон.

– Да, – говорил полицейский в трубку, – обезьяна. С красным задом. Порода неизвестна, видел такую в зоопарке... давно. Понял, из зоопарка побегов не было. А откуда были? Понял, там обезьян не держат, да и в спецовках все. Попробовать открыть? Зачем? да и нечем. Пусть спецов вызывают. Или спасателей.

Обезьяна, увидев в непосредственной близости лицо полицейского, вдруг нырнула под сиденье и вернулась на место с форменной фуражкой в лапах. Журналисты загудели, защелкали фотоаппаратами, в мировую сеть понеслись новые сенсационные новости.

Полицейский выпрямился и вытер пот со лба.

– Вызывайте спецов, тут она еще фуражку достала, черт его знает, чья машина.

Он убрал телефон, и тут же в кармане зарычала, захлебываясь, рация.

– Короче, сейчас подъедет эвакуатор, если спецы задержатся, обеспечить погрузку.

– Понял, – отозвался полицейский и повернулся к народу, широко раскинув руки, – ну все, граждане, расходитесь.

К этому времени порядком стемнело, место событий освещалось софитами телевизионщиков, которые уже доставали термосы и наливали друг другу горячий, с парком чай и кофе. На обеих улицах образовались нешуточные пробки, так как толпа заняла значительную часть проезжей части. На периферии толпы ржавую «копейку» называли инкассаторским грузовиком и материли на чем свет стоит банкиров, уже брезгующими водителями не то что коренной национальности, но и людьми вообще.

– А что, – говорил кто-то, сейчас же автомобили умнее стали – раз, во-вторых, кто знает, что можно обезьяне пересадить за наши деньги-то. Не то, что водить научиться, ЕГЭ сдаст.

Но все же ближе к эпицентру событий эмоции были погорячее. Снова всплывшее предложение «долбануть чем-нибудь» по стеклу находило все больше сторонников. Уже обсуждались детали. Метрополитеновского полицейского оттеснили к самому капоту, где он случайно сел на флаг неизвестной страны, что также было сфотографировано и выложено в сеть. К счастью, внешнеполитическое ведомство этой страны не нашло в этом повода для конфликта. Третьей мировой не началось.

Зато издалека донесся вой сирен полицейских машин и где-то далеко – на краю пробки, засверкала «сине-красная цветомузыка» и оранжевые лампы эвакуатора.

Присутствующий полицейский оживился и снова раскинул руки в сторону народа. В его голосе появилась хрипотца и уверенность в правильности выбранного пути:

– Расступитесь, эвакуатор сейчас подъедет. Задавит, сами виноваты будете.

Слово «эвакуатор» ему произносить не следовало бы. Все-таки нельзя народу прямо так в лицо говорить о ближайших планах руководителей. Поняв, что ржавую «копейку», обезьяну и сумку с деньгами вот-вот увезут, люди сомкнулись и вперед выдвинулись мужички с крепкими плечами.

– Да нет, локтем не получится. На вот, возьми кирпич, – сказал кто-то, и из толпы просунулась рука с грязным обледелым кирпичом. Сухонькая старушка, оказавшаяся тоже в первых рядах, перехватила его двумя руками и подала тем, кто уже примеривался то кулаком, то локтем, то ногой с размаху.

С кирпичом получилось сразу. Посыпались осколки, дверь распахнулась и сумку выдернули из-под испугавшейся и скакнувшей на водительское место обезьяны. Обезьяна сжалась в комочек и закрыла голову фуражкой.

Битва началась. Пока народ рвался к дармовому богатству, рвал глотки, шубы и куртки, из-за ближайших крыш взлетал фейерверк чьего-то корпоратива. И пока в небе взрывались фонтаны разноцветных огней, народ все и прибрал. С последним не то десятым, не то двенадцатым фейерверком последний участник битвы скрылся в неверном свете уличных фонарей, а к раскуроченной копейке величаво, как танкер, подъехал эвакуатор.

Весь следующий день полиция собирала по рынкам мятые купюры и собрала несколько штук. Владельцы изъятых вещдоков сидели перед кабинетом полицейского чина постарше сержанта и рассказывали друг другу истории честного благоприобретения конфискованного состояния. Потом они то же самое рассказывали в кабинете. Чин выше сержанта не имел оснований им не верить, поэтому долго крутил в пальцах пишущую ручку, потом говорил: «Подождите в коридоре», и вызывал следующего.

Полицейские чинами существенно выше сержанта искали владельца «копейки», денег и обезьяны. Искали долго и безуспешно. Искали все на тех же рынках, потом почему-то по деревням.

Водителя подстерегли журналисты. Бедолага утром в воскресенье все же появился на месте, где еще в субботу стояла машина. Он потрясенно смотрел на разбитые стекла на грязной дороге. Потом поставил на заледеневший снег потрепанную сумку, наклонился, поднял пестрый флажок неизвестной страны и, озираясь по сторонам, произнес: «Аккумулятор, стало быть, теперь не нужен».

Тут-то к нему и подошли двое – один с диктофоном, второй с фотоаппаратом.

Интервью длилось пять минут и состояло из нескольких слов, произносимых с разной интонацией и в разном порядке.

Слов напечатать было нельзя. Тем не менее, пресса и интернет обогатились новыми версиями. Жуликов, воров и банкиров оставили в покое. На повестке дня была новая сногшибательная история о том, что деньги действительно (народ-то был прав) предназначались для опытов над животными с тем, чтобы создать новый вид живых существ в угоду зарвавшимся олигархам, которые правят миром. И эта обезьяна – наиболее «продвинутая», уже принятая на работу курьером в один из секретных институтов.

Журналисты особенно смаковали факт присутствия в машине полицейской фуражки. Фото обезьянки в фуражке стало суперхитом интернета. Странно, что никто не спросил, почему на улице минус 10, а обезьяна в летнем головном уборе.

Журналисты схватили водителя, а полиция при помощи водителя нашла и владельца денег и животного. Точнее он сам нашелся. А еще точнее – его адвокат позвонил в Управле-

ние и объяснил, что купюры, обезьяна и фуражка – реквизит новой телевизионной передачи с рабочим названием «Приколы и приколисты». Адвокат также сообщил, что на всех купюрах есть надпечатка «сувенирная продукция» красным цветом, но мелким шрифтом, а фуражка старого – упрямленного образца.

Адвокат от лица своего клиента просил не придавать потере банкнот значения, и предложил вернуть только обезьяну и водителя.

– Как не придавать значения, – вытирая мокрый от волнения лоб воскликнул хозяин кабинета, куда звонил адвокат. Он вынул из кармана несколько зеленых бумажек, плюхнулся в кресло и стал их внимательно рассматривать.

– Вот черт! – воскликнул хозяин кабинета, – и правда – надпись красным цветом, но, зачем так мелко-то!

Утечка все же произошла и к вечеру воскресенья пресса и интернет наполнились слухами о том, что полиция не пускает на экраны новый суперпроект. Как обычно, все валили на политику.

Поэтому высокому чину в штанах с лампасами, вернувшемуся к утру понедельника с дачи, пришлось дать разъяснения и заявить в эфире радиостанции «Мед и деготь» следующее:

– Мне тут доложили о беспорядках. Беспорядков не было. Владелец машины установлен. Противозаконного ничего нет. Имущество возвращается законному владельцу. Ущерб владельцу автомобиля тоже будет возмещен. Когда найдем тех, кто учинил акт вандализма над раритетной моделью отечественного автопрома.

Потом высокий чин в штанах с лампасами почему-то задумался, помолчал минуту, наверное, вспоминая дачу, баню и шашлык, и вдруг добавил в заключение:

– А для тех, кто сомневается, заявляю: эта обезьяна в фуражке – не наш сотрудник!

Впрочем, с ним никто и не спорил. Фуражка-то была старого образца – дореформенная.

«В молоко» или пацифизм по-русски

Эта история произошла, когда я проходил службу в Советской армии в составе бронетанкового полка, стоящего на Алтае, в замечательном городе Бийске. Впрочем, произойти она могла в любой другой воинской части, в любом другом городе.

Итак, в нашей части была специальная обширная территория, застроенная ангарами, в которой стояла, выстаивалась в ожидании дела та самая бронетанковая техника и автомобили технического сопровождения. Были еще и склады, и гаражи. Называлась эта территория парком, хотя из растительности в нем была только крапива да кусты вдоль забора, и несколько тополей по краям короткой дорожки и площадки перед КПП. Тополя, точнее их пух по весне представлял большую пожароопасную угрозу, их каждый год планировали заменить на елки, но все руки не доходили. И всяких укромных мест, где солдаты устраивали свои маленькие пикнички с жареной на костре в большом котле картошкой, было хоть отбавляй. Были и свои любимцы из животного царства. В том числе – приبلудившаяся, прибившаяся к широкой солдатской душе какая-то беспородная собака-бродяжка. Рыжая, вислоухая, с добрыми все понимающими глазами.

Куда-то она время от времени убегала, и так вот набегала себе потомство – в начале лета принесла целую прорву щенят. Щенята так и остались жить с ней в парке, благо погода была отличная, мест укромных много, а еду несли все, кто хоть раз видел эти веселые смышленные мордочки.

А в сентябре, как обычно «внезапно», нагрянула ежегодная осенняя проверка. Приехала группа офицеров в фуражках с высоченными тульями, с лампасами, с громкими голосами и строгими намерениями. Был 1985 год – горд начала «перестройки», очередной год борьбы за установление уставных отношений в армии. Главным среди проверяющих был огромный генерал. Комиссия два дня сидела в штабе, ходила по территории части, заглядывала в котлы и в тумбочки. А на третий день был назначен строевой смотр.

Полк в полном составе, в максимально приличном виде, то есть в выглаженных шинелях, с которых ножницами подрезали бахрому, с начищенными сапогами и бляхами, с преданностью и боевитостью на физиономиях, глаза и щеки которых выдавали принадлежность их владельцев ко всем республикам могучего советского государства, выстроился на плацу. Как и положено, генерал находился на трибуне, и весело поглядывал то на выстроенные и еще колышавшиеся батальоны, то на небо. Наконец порядок был установлен, строй замер. Теплое алтайское бабье лето, казалось, замерло тоже. Утро только начиналось.

– Здравствуйте, товарищи танкисты! – пророкотал генерал.

– Гав-гав-гав! – молодцевато грянули в ответ батальоны.

Тут из-за трибуны вдруг появилось нечто, чье присутствие на построении было совсем не обязательно. Это был один из щенков, отъевшийся на солдатских подачках и от того совершенно счастливый. Он посмотрел по сторонам, потом наверх, а услышав ответное приветствие бойцов, тоже негромко тьякнул, хотя этот слабый звук, так сказать, пробу голоса, никто, конечно же, не расслышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.